

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)

<https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.8>

EDN PPD0YT

Религиозная самоидентификация дагестанской молодежи**Мадина М. Шахбанова¹**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия,

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация.

Введение. Религиозное возрождение сопровождается противоречивыми векторами развития: с одной стороны, больше свободы и возможности в совершении религиозных обрядов и богослужения, с другой – появление религиозных течений, способствующих радикализации сознания, в данном контексте, ваххабитской идеологии. Сложные процессы в религиозной сфере дестабилизировали российское общество, вносили раскол между последователями разных вероисповеданий, более того, способствовали разладу внутри одного вероучения. Довольно болезненно процессы религиозного возрождения протекают в регионах, население которых исповедует исламское учение. Поэтому на фоне укрепления позиций религиозного духовенства, их влияния на массовое сознание населения актуализируется потребность в исследовании религиозной идентичности.

Методика и методология исследования. Общепринятой моделью социологического изучения идентичности и разных типов ее существования является анализ выражений каждого из них через призму интеграторов воспроизводства, в данном контексте, установление степени сопричастности человека с религиозной общностью, то есть единоверцами. Авторский социологический опрос по изучению религиозности и религиозной практики дагестанской молодежи проведен в 2023 г. методом случайного отбора. Место проведения опроса: гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол – мужчины 249 чел. (48,8 %), женщины – 261 чел. (51,2 %); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3 %), 18–25 лет – 173 чел. (34,0 %), 26–35 лет – 193 чел. (41,7 %); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4 %), среднее – 107 чел. (21,0 %), среднее специальное – 173 чел. (34,1 %), высшее – 156 чел. (30,5 %); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8 %), верующий – 273 чел. (53,5 %), колеблющийся – 25 чел. (4,9 %), неверующий – 11 чел. (2,2 %), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6 %); по территории проживания – городское население (N =231 или 45,2 %), сельское население (N=279 или 54,8 %): Махачкала (N=81), Дербент (N=51), Кизилюрт (N=12), Кизляр (N=23), Хасавюрт (N=64), Ботлихский (N=59), Дербентский (N=91), Казбековский (N=42), Кизлярский (N=87). Обработка собранного социологического материала осуществлена в программе FAR.

Результаты исследования. В статье анализируются результаты эмпирического исследования по изучению религиозности и религиозного поведения молодого поколения дагестанцев. Внимание акцентировано на установлении места религиозной идентичности молодого поколения дагестанцев в иерархии типов социальной идентичности, обозначении религиозной самоидентификации, выраженности осознания сопричастности с религиозной общиной и единоверцами. Ключевым в рамках данного исследования является установление веса параметра «религия» как консолидационного компонента.

Основные положения:

– верификация эмпирического материала позволяет сделать выводы, во-первых, о доминанте интегратора «религия», во-вторых, об осознании общности с единоверцами, в-третьих, ярко выраженной конфессиональной личной самоидентификации опрошенной дагестанской молодежи;

– реалии свидетельствуют о доминировании религиозной принадлежности, важности сопричастности к религиозной общине в противовес этническому и российскому типам идентичности;

– превалирование в массовом сознании опрошенного молодого поколения религиозной идентичности способно выполнять деструктивную функцию в современном дагестанском обществе. Основанием для такого утверждения является возрастание значимости исламского фактора в жизни молодого поколения, его ориентированность следовать постулатам исламского учения в повседневной жизни, широкая вовлеченность молодежи в исламскую образовательную систему, параллельное получение светского и религиозного образования;

– преобладание значимости религиозного фактора при ослаблении светского компонента в российском социуме будет иметь далеко идущие негативные последствия, ибо способно дестабилизировать межнациональную и межрелигиозную сферы современного дагестанского общества.

Ключевые слова: религия; ислам; вероучение; вероисповедание; дагестанская молодежь; самоидентификация; религиозная идентичность; религиозные установки; религиозные ценности.

Для цитирования: Шахбанова М.М. (2024). Религиозная самоидентификация дагестанской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), С. 84-94. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.8>

Religious self-identification of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova¹

¹ Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,

Makhachkala, Russia

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract.

Introduction. The religious revival is accompanied by contradictory development vectors: on the one hand, there is more freedom and opportunity to perform religious rites and worship, on the other hand, the emergence of religious movements that contribute to the radicalization of consciousness, in this context, Wahhabi ideology. Complex processes in the religious sphere destabilized Russian society, caused a split between followers of different faiths, moreover, contributed to discord within one creed. The processes of religious revival are quite painful in regions where the population professes Islamic teachings. Therefore, against the background of strengthening the positions of the religious clergy and their influence on the mass consciousness of the population, the need for research on religious identity is actualized.

The methodology and methodology of the study. The generally accepted model of the sociological study of identity and different types of its existence is the analysis of the expressions of each of them through the prism of integrators of reproduction, in this context, the establishment of the degree of human involvement with a religious community, that is, co-religionists. The author's sociological survey on the study of religiosity and religious practice of Dagestan youth was conducted in 2023 by random selection. The place of the survey: Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikhsky, Derbent, Kazbekovsky, Kizlyar districts. Distribution by socio-demographic parameters: a) gender – 249 men (48.8%), 261 women (51.2%); b) age: 15-17 years – 144 people (28.3%), 18-25 years – 173 people (34.0%), 26-35 years – 193 people (41.7%); c) education: incomplete average – 74 people (14.4%), average – 107 people (21.0%), specialized secondary – 173 people (34.1%), higher – 156 people (30.5%); e) attitude to religion: a convinced believer – 198 people (38.8%), a believer – 273 people (53.5%), hesitant – 25 people (4.9%), non-believer – 11 people (2.2 %), strongly non-believer – 3 people (0.6%); by area of residence – urban population (N =231 or 45.2%), rural population (N=279 or 54.8%); Makhachkala (N=81), Derbent (N=51), Kizilyurt (N=12), Kizlyar (N=23), Khasavyurt (N=64), Botlikhsky (N=59), Derbent (N=91), Kazbekovsky (N=42), Kizlyar (N=87). The processing of the collected sociological material was carried out in the FAR program.

The results of the study. The article analyzes the results of an empirical study on the study of religiosity and religious behavior of the younger generation of Dagestanis. Attention is focused on establishing the place of the religious identity of the young generation of Dagestanis in the hierarchy of types of social identity, the designation of religious self-identification, the expression of awareness of belonging to a religious community and co-religionists. The key in this study is to establish the weight of the "religion" parameter as a consolidation component.

The main provisions:

– verification of empirical material allows us to draw conclusions, firstly, about the dominant integrator religion, secondly, about the awareness of community with co-religionists, and thirdly, the pronounced confessional personal self-identification of the interviewed Dagestani youth;

- the realities show the dominance of religious affiliation, the importance of belonging to a religious community as opposed to ethnic and Russian types of identity;
- the prevalence of religious identity in the mass consciousness of the interviewed young generation is capable of performing a destructive function in modern Dagestan society. The basis for such an assertion is the increasing importance of the Islamic factor in the life of the younger generation, its orientation to follow the postulates of Islamic teaching in everyday life, the broad involvement of young people in the Islamic educational system, and the parallel receipt of secular and religious education;
- the predominance of the importance of the religious factor with the weakening of the secular component in Russian society will have far-reaching negative consequences, because it can destabilize the interethnic and interreligious spheres of modern Dagestan society.

Keywords: religion; Islam; creed; religion; Dagestan youth; self-identification; religious identity; religious attitudes; religious values.

For citation: Shakhbanova M.M. (2024). Religious self-identification of Dagestan youth. *Caucasian Science Bridge*, 7 (3), P.84-94. <https://doi.org/10.18522/26585820.2024.3.8>

Введение

Религиозный ренессанс постсоветского пространства, естественно, сопровождался кардинальным изменением мировоззрения населения: распространенные на территории России вероучения активизировали свою деятельность, началась интенсивная работа по приобщению населения к религиозным ценностям, внедрению в сознание верующих тезиса о приоритете религиозного восприятия мира над научным, важности соблюдать правила основанные на религиозном учении во всех сферах жизнедеятельности человека. Иными словами, одним из ключевых направлений современности является «рост этнических, религиозных, локально-региональных идентичностей среди граждан» (Тишков, 2023), и, более того, усиление фактора идентификации сопровождается синтезом нескольких типов в одно целое. Примером является формирование этноконфессиональной идентичности, которая очень ярко проявляется в общественном сознании последователей ислама.

Происходящие в мире сложные и противоречивые процессы свидетельствуют, что ислам и исламское учение стали мощной силой, способной влиять на социальные сферы, причем такое воздействие имеет деструктивный характер. Причины негативного влияния многообразны, их могут подпитывать различные общественные явления, начиная от уровня социально-экономического положения региона до собственно личностной неудовлетворенности человека.

Современные реалии показывают, что позиции ислама в российском обществе из года в год только усиливаются, религиозное духовенство приобрело особый статус, особенно в его мусульманских субъектах, наблюдается вмешательство в образовательную сферу, параллельное получение светского и религиозного образования. На первый взгляд, в этом нет ничего предосудительного, пока в общественном сознании и поведении не проявляются действия, констатирующие о радикализации сознания. Одним из таких примеров являются события 29 октября 2023 г., когда агрессивно настроенная группа дагестанцев продемонстрировала откровенно интолерантное и враждебное отношение к прибывшим из Израиля в республику пассажирам. Без преувеличения можно утверждать, что дагестанское население просто «вздрогнуло» от той ненависти, нетерпимости, агрессии и поведения участников данного события. И это в республике, славившейся своим позитивным отношением к приезжим, для населения, у которого понятия «гость» и «гостеприимство» имеют глубокий смысл, есть исторически сложившаяся традиция взаимоотношения с гостем. Более того, исторически на территории Дагестана не было межнационального и межрелигиозного конфликта, ибо его административное обустройство в дореволюционный период вообще игнорировало этнический фактор как таковой в жизни дагестанцев: «многовековая полиэтноконфессиональная среда выработала уникальный опыт взаимодействия между народами и религиями, помогла избежать войн на конфессиональной основе. Так, кайтагский правитель Адур-Нарсе в пятницу молился с мусульманами, по субботам – с евреями, а по воскресеньям с христианами» (Ибн-Русте, сер. IX в.), сохраняя между ними толерантные отношения» (Магомедов, Ханбабаев, 2003, с. 10).

Если вернуться к явлению «религиозная идентичность», то она является одним из типов социальной идентичности, и, соответственно, как и другие общественные явления, обладает собственными параметрами измерения, и таковыми в социологии религии принято считать а) самоидентификацию человека с определенным вероучением; б) обозначение отношения к

религии (верующий/неверующий); в) религиозную практику (соблюдение постулатов исповедуемого вероучения); г) констатацию единства с религиозной общиной.

Религиозное возрождение постсоветского периода, радикализация сознания, теракты на территории нашего государства, активное участие молодого поколения в религиозных процессах, рост религиозности населения, появление религиозных центров, активизация деятельности религиозных лидеров и ряд других факторов потребовал изучения религиозного процесса как такого в целом, с глубинным изучением ряда его аспектов, в частности, основы и причин появления деструктивных тенденций. Иными словами, с полным основанием можно утверждать, что в современном дагестанском обществе статус религиозной идентичности занимает одну из ключевых позиций в общественном сознании населения. Причем из года в год ее позиции только укрепляются, и, наверняка, в последующем такая тенденция только усилится. Основанием для такого утверждения являются происходящие в религиозном пространстве современного Дагестана процессы: в частности, стремление населения, особенно женского, внешне соответствовать «образу мусульманки», то есть ношение хиджаба (одежда свободного покроя для женщин); среди мужчин такого массового ношения мусульманской одежды не встречается, превалирует светский стиль. На повседневном уровне исламские ценности и правила поведения преобладают в массовом сознании последователей мусульманства, мнение религиозных деятелей вызывает больше доверия и предпочтительнее, в сравнении, с официальной позицией. Определенную тревогу вызывает стремление исламского духовенства взять под «контроль» одну из важнейших сфер – образовательную: в настоящее время в республике распространены исламские учебные заведения (есть детский сад и школа «Ватан», в которой ученики одновременно получают светско-религиозное образование, то есть наряду со школьной программой идет обучение исламскому учению). Масштабы распространения примечетских школ в Дагестане большие, больше количество детей разных возрастных категорий в летнее время посещает мактабы, в которых их обучают базовым основам мусульманского учения. К сожалению, статистику по ученикам никто не ведет, поэтому делать выводы можно только по столпотворению перед мечетями, например, в той же Махачкале. Каковы последствия такого приобщения молодого поколения к вере, вопрос, который практически не анализируется. Отдельно стоит затронуть вопрос внешнего облика мусульманки – в светских учебных заведениях, речь о школах, имеет место ношение девочками хиджаба. Как нужно относиться к этому? С одной стороны, религия отделена от государства, с другой – посещение школы ученицами в хиджабе, вроде бы, ничего плохого в этом нет, но, по мнению автора, есть «мягкая сила» по привлечению населения в лоно ислама. Следует отметить, что наблюдаются конфликты на этой почве. Совсем недавно в социальных сетях распространили ролик о «запрете» носить хиджаб в одном из учебных заведений республики (медицинский колледж). Звонили директору колледжа и открыто спрашивали о его позиции в отношении ношения хиджаба. Такие факты вызывают тревогу, ибо руководство учебных заведений ставит в «зависимость» от исламских предписаний. При этом вопрос, как быть неверующей части дагестанского населения, остается открытым.

Таким образом, в статье анализируется религиозная идентичность молодого поколения дагестанцев, осознание степени сопричастности с единоверцами.

Теоретические основы исследования

Феномен идентичности широко обсуждается в научном сообществе, анализируются разные типы ее существования. Широкую разработку феномена идентичности, различных типов ее существования началось с исследования Э. Эриксона (Эриксон, 1996), который рассматривает ее в двух аспектах: «Я-идентичность» (природное и индивидуальное) и социальная идентичность (включенность личности в социальные процессы). Религиозная идентичность является одним из типов социальной идентичности. Среди исследователей религиозной идентичности заметное место занимает С.В. Рыжова, которая дает следующую классификацию православной идентичности: 1. Внеинституциональная православная идентичность; 2. Групповая православная идентичность; 3. Индивидуально-личностная православная идентичность; 4. Социально-личностная православная идентичность (Рыжова, 2004, 320). При этом ею подчеркивается недопустимость отождествления этноконфессиональной и религиозной идентичностей, несмотря на их тесную взаимосвязь с доводом «первая является более массовой, групповой; она неразрывно связана с этническим единством, и о ней можно говорить, когда этничность и религиозность позиционируются в публичном пространстве как недифференцируемые категории. Вторая более личностная, приватная; она имеет непосредственное отношение к моральному единству и в мировоззренческом смысле отражает личные взаимоотношения

верующего с Богом» (Рыжова, 2019, 50). Взаимодействие религиозности и религиозной идентичности, с одной стороны, и консюмеризма, с другой, рассмотрена Н.С. Бабич и И.В. Батыковым: ими сделан вывод о возрастании роли религиозной идентичности «перед лицом торжествующего консюмеризма» (Бабич, Батыков, 2022, 98).

По мнению Н.Л. Балич, «религиозная идентичность связана с механизмами самоопределения, эмоционального отождествления и субъективной причастностью индивида к конкретной религии, образу жизни, общности единоверцев. Она может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе гражданскую, семейную, профессиональную и другие виды идентичностей. Когда субъективная значимость религиозной идентичности оказывается более значимой и сопровождается принятием соответствующего образа жизни, она "окрашивает" другие виды идентичностей присущим конкретной религии колоритом, тем самым создавая варианты воплощения православной, католической или протестантской идентичности. Это процесс, в котором внешние (социальные) и внутренние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению, а сама религиозная идентичность оказывает обратное воздействие на формирование гражданской, национальной, культурной (и др.) видов социальной идентичности» (Балич, 2015, 234).

Среди разработок западных исследователей можно отметить концепцию Г. Оллпорта (Титов, 2013). Основываясь на ней, Джуди Ван Камп выделил два параметра измерения религиозной идентичности (индивидуальное и социальное) (Александрова, Хухлаев, 2017, 157). К. Лич с соавторами (Leach C.W., van Zomeren M., Zebel S., Vliek M.L.W., Pennekamp S.F., Doosje B., Ouwerkerk J.W., Spears R.) базой формирования идентичности считает 1. *Самостереотипизацию*; 2. *Ингрупповую гомогенность*; 3. *Сплоченность*; 4. *Удовлетворенность*; 5. *Выраженность ингрупповой идентичности* (Агадуллина, Ловаков, 2013, 144).

Отечественные исследователи предложили следующую схему формирования религиозной идентичности (см. рис. 1) (Юрасов, Павлова, 2018, 28).

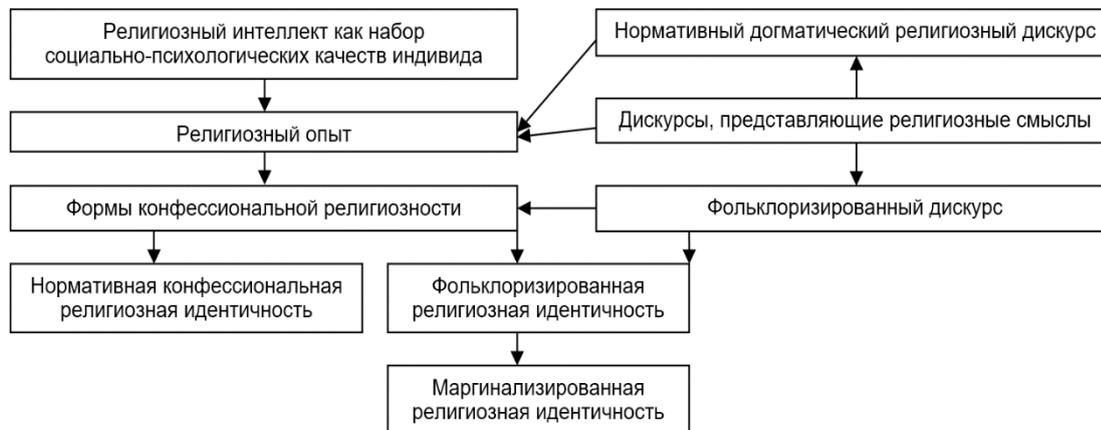

Рис. 1. Модель формирования религиозной идентичности

Религиозная идентичность, как и другие типы социальной идентичности, «содержит когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты и подразумевает ценностную оценку факта принадлежности к данной категории/группе. На основе «сплава» этих компонентов формируется религиозная солидарность как чувство принадлежности к единоверцам» (Рыжова, 2017, 49). В основе формирования религиозной идентичности лежит религиозный интеллект, «понимаемый как комплекс социально-психологических характеристик, качеств индивида, которые делают возможным мистические, религиозные переживания» (Юрасов, Павлова, 2018, 25).

Своеобразный подход изучения религиозной идентичности встречается у татарских исследователей, использующих понимание Э. Фрейда природы идентичности: по их мнению, важно «для понимания того, как формируется сфера нравственности и запретов у личности – через идентификацию себя с нормами ближайшего окружения. Особенно это важно для становления религиозной идентичности: действует механизм интроекции, то есть человек воплощает в своей индивидуальной форме заповеди, которые существуют во всех религиях мира» (Мухаметшин и др., 2012, 17).

Автор понимает религиозную идентичность как «соединение личных религиозных порывов (вера или психологическая установка в отношении некоей "высшей силы") с потребностью в социальной принадлежности. В случае принадлежности к монотеистической традиции она формируется как идентификация верующего человека со своей религиозной группой (как реальной, так и категориальной), разделение соответствующих идей и ценностей. Следование обычаю, участие в религиозных обрядах и ритуалах рождает чувство групповой сопричастности к единоверцам и фиксирует данную идентичность в определенных "культурных кодах" (по Дж. Александру)» (Мухаметшин и др., 2012, 51).

Таким образом, анализ религиозной идентичности показывает, что она является типом социальной идентичности и обозначает ассоциирование человеком с определенным вероисповеданием, причем принадлежность к религии может иметь как этнический, так и культурный характер.

Методика и методология исследования

Общепринятой моделью социологического изучения идентичности и разных типов ее существования является анализ выражений каждого из них через призму интеграторов воспроизводства. В данном контексте - через установление степени сопричастности человека с религиозной общностью, то есть единоверцами. Авторский социологический опрос по изучению религиозности и религиозной практики дагестанской молодежи проведен в 2023 г. методом случайного отбора. Место проведения опроса: гг. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол – мужчины 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 чел. (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 чел. (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%); по территории проживания – городское население (N=231 или 45,2%), сельское население (N=279 или 54,8%): Махачкала (N=81), Дербент (N=51), Кизилюрт (N=12), Кизляр (N=23), Хасавюрт (N=64), Ботлихский (N=59), Дербентский (N=91), Казбековский (N=42), Кизлярский (N=87). Обработка собранного социологического материала осуществлена в программе FAR.

Результаты исследования

Как и другие социальные явления, религиозная идентичность обладает собственными параметрами измерения и таковыми в социологии религии принято считать: а) самоидентификацию человека с определенным вероучением; б) обозначение отношения к религии (верующий/неверующий); в) религиозная практика (соблюдение постулатов исповедуемого вероучения); г) констатация единства с религиозной общиной.

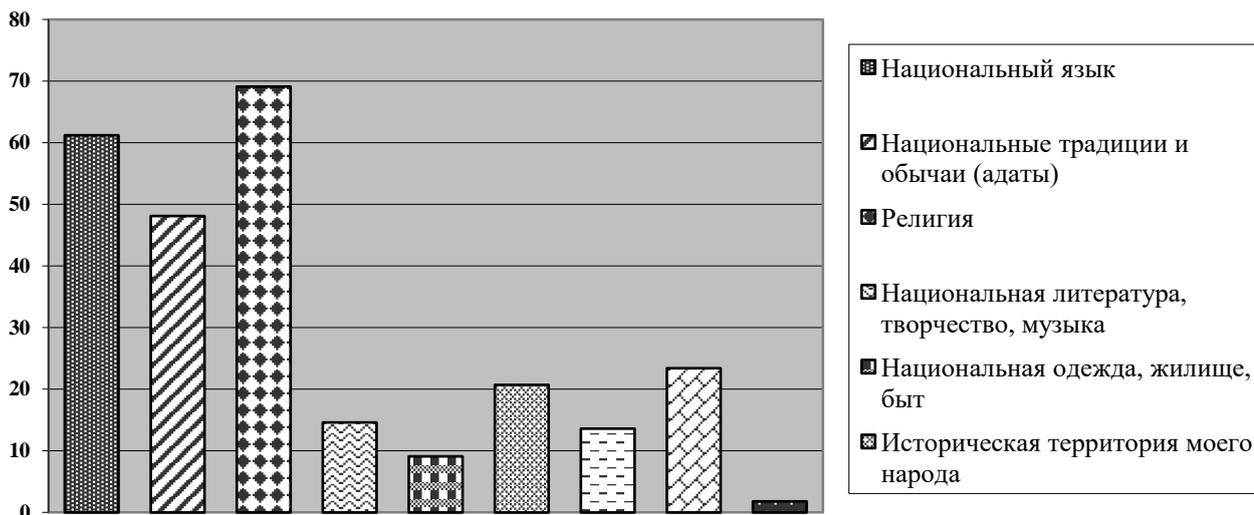
В рамках исследования религиозности и культового поведения молодого поколения дагестанцев им было предложено обозначить личную самоидентификацию. Аналитика показывает причисление 53,4% опрошенных себя к когорте верующих, 38,9% ассоциируется с убежденно верующими, 5,3% колеблющиеся, 2,6% неверующие и 0,6% убежденно неверующие. Далее, эмпирический материал на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» показывает, что подавляющая часть опрошенной дагестанской молодежи является последователем исламского учения (92,9%); атеистического мировоззрения придерживается статистически небольшая доля опрошенных (3,7%); по национальной принадлежности, в сопоставлении с другими подгруппами, выделяются даргинский (6,6%), лакский (8,3%) и чеченский (10,0%) подмассивы, 5,8% респондентов в интервале 18–25 лет и 5,9% со средним образованием. При этом никто из респондентов с высшим образованием не отметил, что является атеистом. Таким образом, эмпирика показывает существование в общественном сознании дагестанской молодежи осознанной идентификации с определенным вероучением. Анализ через призму отношения к религии логично свидетельствует о больших процентах в подгруппах неверующих и убежденно неверующих, хотя эти подмассивы, несмотря на обозначение себя неверующими, не исключают свою принадлежность мусульманской вере. Такие установки порождают множество вопросов, в частности, о соответствии мировоззрения человека и его религиозной принадлежности. Здесь, на первый взгляд, имеет место несогласованность между отношением к религии (верующий/неверующий) и обозначением своей принадлежности определенному вероисповеданию: реалии свидетельствуют об ином религиозном поведении неверующего

человека в части соблюдения исламских правил в повседневной жизни – в похоронных обрядах, праздновании религиозных праздников (Ураза-байрам, Курбан-Байрам), участии религиозных мероприятиях.

Какой вес индикатор «религия» имеет в консолидации дагестанской молодежи с соплеменниками? В авторском исследовании был задан вопрос, позволяющий выявить интеграторы, и важным, в данном контексте, является востребованность вероисповедания как объединяющего элемента (см. гист. 1).

Гистограмма 1.

Распределение ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?» (% от числа ответивших)

В первую группу интеграторов можно включить отмеченные подавляющей частью респондентов признаки «религия» (69,1%), «национальный язык» (61,2%) и «национальные традиции» (48,1%). Во вторую группу вошли маркеры, подразумевающие значимость исторического наследия народа (одна четвертая часть) и историческая территория проживания (каждый пятый), то есть активизируется исторический параметр. Здесь необходимо отметить, что последний индикатор воспроизводства этнической идентичности очень часто выступает причиной обострения взаимоотношений, особенно в многонациональном сообществе, а также открытых этноконфликтов. Анализ в разрезе отношения к религии и по национальной принадлежности показывает доминирование религии как компонента консолидации с этнической общностью в установках верующей когорты (80,1% убежденно верующих и 67,9% верующих), и существование такой позиции в общественном сознании молодого поколения дагестанцев представляется логичным на фоне их активного участия в религиозных процессах (культовое поведение, получение исламского образования, совершение хаджа и т.д.). Материал в разрезе национальной принадлежности респондентов показывает востребованность маркера «религия» при обозначении чувства общности с единоверцами для подавляющей части опрошенных аварцев (78,9%), даргинцев (63,9%), кумыков (61,8%), лезгин (51,2%) и чеченцев (75,0%). В этой связи вполне закономерным является вопрос о причинах возросшего веса вероисповедания в самоидентификации человека. По мнению автора, выбор данного параметра обусловлен повышением роли исламского учения в современном дагестанском обществе, ориентированностью населения учитывать исламские ценности и постулаты, желанием родителей приобщить детей к мусульманским знаниям и мусульманскому этикету. Реалии свидетельствуют о том, что дагестанская молодежь практически всех возрастных категорий ведет активную религиозную жизнь, и свой вклад в данный процесс вносят родители, которые стремятся дать детям начальное религиозное образование (обучение чтению Корана, правильно делать омовение, совершать намаз), то есть получить базовые знания о мусульманстве. Независимо от места проживания (село/город), в летнее время в примечетских школах обучается большой массив детей. Что движет родителями, которые ориентированы на получение детьми начального исламского образования? – вопрос актуальный в рамках изучения веса религиозной идентичности и вероисповедания в личной жизни человека. По мнению автора, для родителей мотивацией отдать детей в исламские учебные заведения, в данном случае речь идет о мактабах, является стремление оградить своего ребенка от негативного влияния получаемой из разных источников информации, чаще

из социальных сетей. Как известно, современная молодежь, и не только она, оказалась как основным потребителем, так и субъектом социальных сетей (так называемые блогеры, тик-токеры). «А какая информация в социальных сетях, и чему они могут научить человека с незрелой психикой и неустоявшимися моральными установками?» – вопрос, ответ на который находится на поверхности. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что родители собственные воспитательные функции переложили на плечи духовных лиц. Хорошо это или плохо? Если молодой человек в последующем не будет противопоставлять полученные в стенах религиозного учреждения знания светским знаниям, государственному устройству России, игнорировать важность национальных интересов, готов их отстаивать, иными словами, не несет угрозы национальной безопасности государства, то, наверное, хорошо. К сожалению, имеет место формирование в общественном сознании молодежи ценностей, которые не согласуются со светским характером Российского государства. Не менее болезненным является и опасность участия выпускников религиозных образовательных заведений в террористических организациях, с чем столкнулось российское общество на стыке XX–XXI столетий.

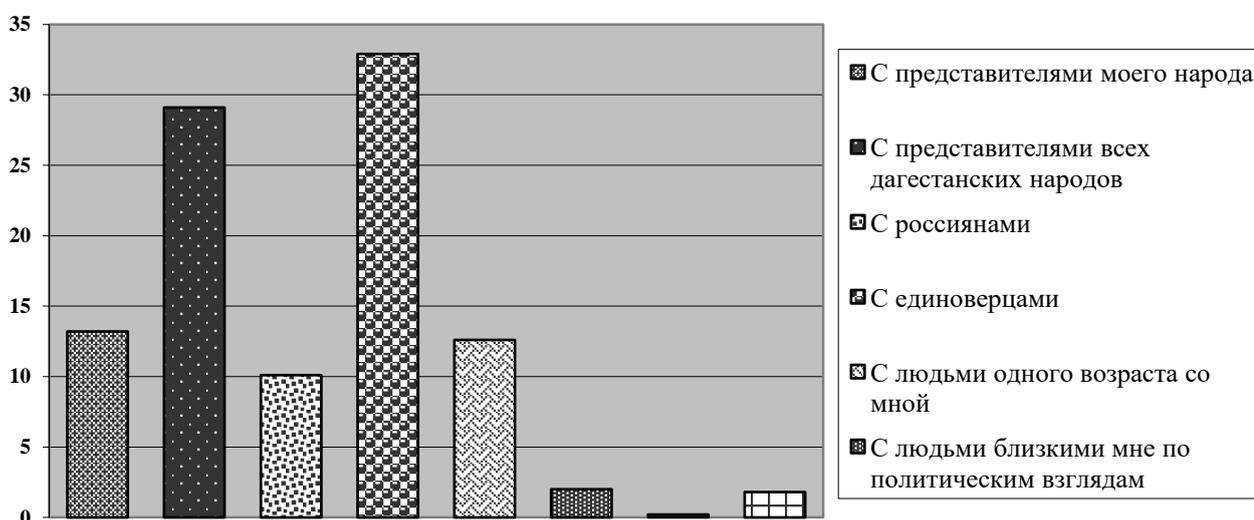
Статистически незначимую часть опрошенной дагестанской молодежи ничего не объединяет с представителями своего народа, и больше всего придерживающихся такой позиции в подгруппе лезгин.

Таким образом, эмпирический материал показывает важность вероисповедания в личной идентификации респондента с этническим образованием, и существование такой позиции в общественном сознании дагестанской молодежи обусловлено возросшей ролью ислама в современном дагестанском обществе, ориентированностью родителей приобщить детей к мусульманской религии, чтобы не допустить появления у них асоциального поведения. Вместе с тем, религиозное возрождение, в данном контексте исламское, имеет и отрицательные последствия в форме радикализации сознания, стремления духовенства влиять на политические и образовательные процессы. Кроме того, наблюдается «заигрывание» власти с религиозными институтами, привлечение духовных лиц к участию в светских мероприятиях и решению спорных вопросов. Разумеется, диалог власти и религии необходим, государственно-конфессиональные отношения в нашей стране, в том числе и в Дагестане, имеют длительную историю позитивного взаимодействия, но должны быть четко очерчены границы функционирования любого вероисповедания и, более того, доминантным должен быть зафиксированный в Конституции светский характер Российского государства.

Далее, важным является установление индикаторов консолидации опрошенной дагестанской молодежи с соплеменниками, а также места компонента «религия» в этой структуре, что предполагает выявление выраженности у респондентов чувства «единства» с разными социальными группами. В данном исследовании научный интерес представляет обозначение сопричастности с последователями одного вероисповедания, ибо оно является одним из критериев диагностики религиозной идентичности (см. гл. 2).

Гистограмма 2

Распределение ответов на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности?» (%)

Результаты опроса показывают доминирование в массовом сознании 32,9% опрошенной дагестанской молодежи чувства общности с единоверцами, причем доля придерживающихся данного

суждения с возрастом увеличивается с 30,9% в разрезе 15–17 лет до 43,9% 35 лет включительно. Такая же картина прослеживается и по образовательному разрезу: хотя религиозную позицию человека ставят в зависимость от уровня образования (чем выше образовательный статус человека, тем меньше приверженность ненаучному мировосприятию). Однако эмпирика показывает увеличение с ростом образовательного статуса опрошенных процентных показателей, обозначающих чувство единства с представителями своего вероисповедания с 33,9% имеющих базовое среднее образование до 53,6% с высшим образованием. По национальному признаку, в сравнении с другими подгруппами, процентный показатель обозначивших единство с последователями одной религии больше в подгруппе чеченцев (45,0%), хотя можно отметить подмассивы аварцев (39,8%) и кумыков (30,9%); меньше таковых среди лакского населения (12,5%). Вторую по значимости позицию занимает важность единства с представителями дагестанских народов (29,1%), и в национальном разрезе выделяются подмассивы даргинцев, кумыков, лакцев (каждый третий), доминирует лезгинская подгруппа (41,9%). Явно выраженных отличий в обозначении типов социальной идентичности в разрезе социально-демографических признаков респондентов не наблюдается: почти равные части во всех подгруппах подчеркивают общность со всеми дагестанцами, что свидетельствует о значимости для молодого поколения дагестанцев республиканской идентичности. С разницей больше чем в 2 раза, по сравнению с предыдущими суждениями, располагается этническая идентичность (13,2%), и здесь обращает на себя внимание влияние уровня образования на рост веса единства с представителями своей этнической общности: 11,5% с базовым средним образованием, 14,4% средним и 19,6% высшим образованием. Обратная картина, т.е. уменьшение испытывающих общность с представителями своего народа наблюдается по возрасту: с 14,0% опрошенных в интервале 15–17 лет до 8,8% в когорте 26–35 лет. По национальной принадлежности выделяются кумыки (одна пятая часть) и лакцы (менее 10%), у которых слабо выражено чувство целостности со своим народом. Для одной восьмой части респондентов по всему массиву характерна возрастная идентичность, и их больше в интервале 15–17 лет (16,9%), имеющих базовое среднее и среднее образование – 14,2% и 15,0%, соответственно. Общероссийская самоидентификация обозначена одной десятой частью по всему массиву; в разрезе образования таковых больше в подгруппе со средним образованием (17,1%). Верификация материала показывает, что подгруппы самоидентифицирующихся как неверующие (25,0%), колеблющиеся (29,6%) и убежденно неверующие (33,3%) подчеркивают важность государственно-гражданской (российской) идентичности. Для сохранения стабильности любого государства ключевым является осознание общности с гражданами страны независимо от социально-демографических, национальных, расовых, религиозных, мировоззренческих отличий. Мониторинг исследования показывает, что в общественном сознании дагестанского населения доминантной остается республиканская идентичность. Видимо, она и способствует позитивному межнациональному взаимодействию в республике, хотя немного уступает религиозному типу социальной идентичности, и его важность объясняется возросшим весом исламского компонента в современном дагестанском обществе. Двойственным является и положение этнической идентичности: с одной стороны, ее активизация свидетельствует о наличии потенциала для сохранения национального языка, традиций, самобытности, этнокультуры, а с другой, может способствовать формированию в общественном сознании дагестанской молодежи деструктивных типов этнической идентичности (этнодоминирование, этнонационализм, этнофанатизм, этнофаворитизм), которые провоцируют интолерантность, противостояние и этноконфликты.

При исследовании религиозности и религиозного поведения молодого поколения дагестанцев важным является установление веса каждого из типов социальной идентичности в разрезе их отношения к вероучению: эмпирический материал закономерно показывает приоритет религиозной идентичности для подмассива убежденно верующих (44,9%), при этом наблюдается существенное снижение процентных показателей в подгруппе верующих (26,9%), предпочитающих осознание единства со всеми дагестанскими народами (29,6%). Далее, у идентифицирующихся как колеблющиеся (29,6%) и убежденно неверующие (33,3%) наблюдается активизация российской идентичности; неверующие предпочтение отдают политической идентичности (33,3%).

О чем свидетельствует полученный социологический материал? В первую очередь, о непоследовательности опрошенной дагестанской молодежи: при больших процентах обозначающих отношение к религии как убежденно верующие и верующие, актуализация религиозной идентичности больше характерна подгруппе убежденно верующих, а подмассив верующих демонстрирует республиканскую самоидентификацию. Несмотря на небольшой, в сравнении с другими вариантами ответов, процентный показатель, самоидентифицирующие как

неверующие обозначают важность сопричастности с единоверцами (8,3%), хотя, по логике, они должны были проигнорировать религиозный фактор как таковой.

Далее в исследовании были сопоставлены вопросы, чтобы выявить установки обозначающих определенный тип социальной идентичности и выделить интеграторы: если респондент подчеркивает важность, например, религии как объединяющего признака, то с кем он испытывает чувство общности – с представителями единого вероучения или с другой социальной группой (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы: «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?» и «С кем Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?» (%)

Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?	С кем Вы в наибольшей степени испытываете чувство общности?							
	С представителями моего народа	С представителями всех дагестанских народов	С россиянами	С людьми и моей религии	С людьми одного возраста со мной	С людьми близким и мне по политическим взглядам	С людьми и моей профессии	Ни с кем
Национальный язык	15,7	30,8	9,6	29,8	14,1	2,2	0	2,9
Национальные традиции и обычаи (адаты)	13,8	35,2	7,7	33,6	13,4	1,6	0	1,6
Религия	13,0	27,2	9,1	37,1	13,0	1,7	0,3	2,8
Национальная литература, творчество, музыка	15,8	40,8	11,8	17,1	11,8	3,9	0	1,3
Национальная одежда, жилище, быт	8,3	35,4	18,8	29,2	10,4	2,1	0	0
Историческая территория моего народа	13,1	34,6	15,0	29,0	14,0	3,7	0	0,9
Общность характера, схожесть поведения	7,4	44,1	14,7	19,1	16,2	1,5	0	0
Историческое прошлое	12,5	35,8	12,5	25,0	18,3	2,5	0	0
Ничего не объединяет	10,0	30,0	0	10,0	0	20,0	0	30,0

Таблица сопряженности показывает, что подмассив, отметивший маркер «религия», подчеркивает единство с единоверцами (37,1%); при этом индикаторы «национальный язык» и «национальные традиции и обычаи (адаты)», несмотря на свое доминирование в структуре элементов этничности и важности в сохранении национальной общности, не востребованы при собственно этнической самоидентификации человека (ранее было отмечено, что этническая идентичность опрошенных заметно уступает религиозной и общероссийской идентичностям) – 15,7% и 13,8%, соответственно. Дальнейший анализ констатирует, что респонденты, выбравшие маркеры «национальная литература, творчество, музыка» и «общность характера, схожесть поведения»,

испытывают общность со всеми дагестанскими народами (республиканская идентичность) – 40,8% и 44,1%, соответственно. Таким образом, эмпирический материал показывает соответствие интеграторов консолидации национальной общности (этническая идентичность) типам социальной идентичности: подмассив обозначивший религию и единство ощущает с представителями своего вероисповедания, и такая же картина характерна общедагестанскому и этническому типам социальной идентичности.

Заключение

Религиозная идентичность является типом социальной идентичности, и на ее формирование огромное влияние оказывает существование в обществе разных вероучений («православие», «ислам», «буддизм» и др.), религиозных знаний, которые выражаются через призму культовых праздников, обрядовой сферы, ценностей и символов вероисповедания. Индикатором измерения выраженности религиозной идентичности является востребованность вероучения в повседневной жизни человека. Верификация эмпирического материала по изучению религиозности и культового поведения молодого поколения дагестанцев показывает, что для них ключевым интегратором выступает религия; по этнической принадлежности выделяются подгруппы аварцев и чеченцев, которых, при сопоставлении с другими национальными образованиями, заметно больше. Кроме того, наряду с религией, национальный язык, национальные традиции и обычаи составляют первую тройку консолидационных маркеров. Доминирование религии как объединяющего параметра с представителями своей национальной группы обусловлено возросшей ролью вероучения в современном дагестанском обществе, вовлеченностью большого пласта населения в религиозные процессы, и особенно активная работа ведется среди молодежи. Укрепление позиций исламского учения в современном дагестанском обществе, по мнению автора, является больше деструктивным фактором, чем позитивным: например, изменение внешнего облика мусульманки, ориентированность соответствовать исламским требованиям, навязывание исламских ценностей и постулатов в повседневной жизни, участие местного духовенства в политическом процессе, распространение в семейно-брачной сфере полигамии и т.д. позволяет прогнозировать негативный сценарий исламского возрождения.

Литература

- Агадуллина, Е.Р. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке / Е.Р. Агадуллина, А.В. Ловаков // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2013. – Т. 10. – № 4. – С. 143–157.
- Александрова, Е.А. Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) / Е.А. Александрова, О.Е. Хухлаев // *Изв. Иркутского гос. ун-та. Серия «Политология. Религиоведение»*. – 2017. – № 19. – С. 156–164.
- Бабич, Н.С. Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности / Н.С. Бабич, И.В. Батыков // *Социологические исследования*. – 2022. – № 7. – С. 97–108. <https://doi.org/10.31857/S013216250019642-9>.
- Балич, Н.Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества / Н.Л. Балич, // *Социологический альманах*. – 2015. – № 6. – С. 234–243.
- Магомедов, А.М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане / Магомедов А.М., Ханбабаев К.М. // *Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень*. – 2003. – № 1-2. – С. 10–17.
- Мухаметшин, Р.М., Гарипов Я.З., Нуруллина, Р.В. Молодые мусульмане Татарстана: идентичность и социализация. – М.: Academia, 2012. – 192 с.
- Рыжова, С.В. Русское самосознание и православная идентичность: между миролюбием и экстремизмом / С.В. Рыжова // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2004* / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – С. 318–344.
- Рыжова, С.В. Религиозность в контексте культуры доверия / С.В. Рыжова // *Социологический журнал*. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 44–63. – <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363>
- Рыжова, С.В. Религиозность, этноконфессиональная идентичность и проблемы межэтнического согласия / С.В. Рыжова // *Социологические исследования*. – 2019. – № 2. – С. 49–58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>.
- Титов, Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций / Р.С. Титов // *Культурно-историческая психология*. – 2013. – № 1. – С. 2–9. EDN: RZTZAN

Тишков, В.А. Пора думать не только о «дружбе народов», но и о «дружном народе». Единство России – в многообразии культур. Режим доступа: <http://www.ng.ru/2023/19/05>.

Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон – М.: Прогресс, 1996. – 360 с.

Юрасов, И.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности / И.А. Юрасов, О.А. Павлова // *Теория и практика общественного развития*. – 2018. – № 7(125). С. 24–29. – <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.7.3>

References

Agadullina E.R., Lovakov A.V. The measurement model of ingroup identification: verification on a Russian sample. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2013; 10(4):143-157. (In Russ.)

Alexandrova E.A., Khukhlaev O.E. Features of religious identity among Buddhist youth (on the example of student youth of the Republic of Kalmykia). *Izv. Irkutskogo gos. un-ta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie» = Izv. Irkutsk State University. The series "Political Science. Religious studies"*. 2017; 19:156-164. (In Russ.)

Babich N.S., Batykov I.V. Consumer society: the experience of modeling the interrelationships of consumerism and religiosity. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2022; 7: 97-108. (In Russ.)

Balich N.L. Religious identity in the culture of modern society. *Sociologicheskij al'manah = The Sociological Almanac*. 2015; 6: 234-243. (In Russ.)

Magomedov A.M., Khanbabaev K.M. Religion and peacemaking processes in Dagestan. *Gosudarstvo i religiya v Dagestane. Informatsionno-analiticheskij byulleten' = The state and religion in Dagestan. Information and analytical bulletin*. 2003; 1-2:10-17. (In Russ.)

Mukhametshin R.M., Garipov Ya.Z., Nurullina R.V. Young Muslims of Tatarstan: identity and socialization. *Moskva: Academia = M.: Academia*; 2012. 192 p. (In Russ.)

Ryzhova S.V. Russian self-consciousness and Orthodox identity: between peacefulness and extremism. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik–2004 = Russia is reforming: Yearbook–2004* / Ed. by L.M. Drobizheva. *Moskva: Institut sotsiologii RAN = M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*; 2004: 318-344. (In Russ.)

Ryzhova S.V. Religiosity in the context of a culture of trust. *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2017; 23(3):44-63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5363> (In Russ.)

Ryzhova S.V. Religiosity, ethno-confessional identity and problems of interethnic harmony. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2019; 2:49-58. <https://doi.org/10.31857/S013216250004006-9>. (In Russ.)

Titov R.S. The concept of individual religiosity in Allport: the concept of religious orientations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and historical psychology*. 2013; 1:2-9. (In Russ.)

Erickson E. Identity: youth and crisis. Russ. ed.: *Identichnost': yunost' i krizis*. Transl. from Eng. *Moskva: Progress = Moscow: Progress*; 1996. 344 p. (In Russ.)

Yurasov I.A., Pavlova O.A. Discursive research of religious identity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2018; 7(125):24-29. (In Russ.)

Tishkov V.A. It's time to think not only about the "friendship of peoples", but also about the "friendly people". The unity of Russia – in the diversity of cultures. Available at: <http://www.ng.ru> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 20.10.2024

Дата окончания рецензирования: 23.11.2024

Дата принятия к публикации: 24.11.2024

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sciences in Sociology, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare